

в таком виде представляет определенный научный интерес, поскольку у африканистов-языковедов до сих пор нет «своего» справочного издания. Наиболее полно в Лексиконе представлены немецкие африканисты-языковеды, а также английские, французские, бельгийские, австрийские, итальянские, южноафриканские. Материалы персоналий помогают воссоздать историческую картину развития африканского языкознания, проблемы этой науки в прошлом и в настоящем.

Лексикон информирует читателя также и о некоторых научных публикациях, имеющих историческую ценность (словарь П. С. Палласа, *Mithridates, Polyglotta Africana*). Из важнейших современных публикаций выделена лишь энциклопедическая серия *Handbook of African Languages*, но недостаток подобного рода информации некоторым образом компенсируется в библиографическом разделе Лексикона. Из африканских хроник в Лексиконе упомянуты только хроники

² Африканское языкознание в СССР в настоящее время представлено главным образом двумя группами исследователей, работающих в Москве (Институт языкознания и Институт востоковедения АН СССР, кафедры африканских языков в ИСАА/МГУ и в МГИМО, ряд африканистов на кафедрах филологии в других столичных учебных заведениях) и в Ленинграде (ЛЮ Института языкознания и Института этнографии АН СССР, кафедра африканских языков Восточного факультета ЛГУ). Кроме того, отдельные африканисты-языковеды работают в некоторых других городах Советского Союза.

суахили. Имеются сведения о некоторых важнейших африканистических центрах, например, таких, как Международный институт Африки и Западноафриканское лингвистическое общество.

В целом подробно составлена Библиография (с. 282—351), которая, предположительно, отражает все четыре этапа развития африканского языкознания. Однако в библиографический раздел включены лишь несколько публикаций советских ученых (в двух случаях допущены неточности), что совершенно не соответствует действительному вкладу советской науки в африканское языкознание². Из советских работ, не попавших в Лексикон, назовем лишь некоторые публикации, достаточно известные и потому доступные составителям Лексикона, например, серию *Africana* (Институт этнографии АН СССР), а также многочисленные монографии (см., например: Языки Африки. М., 1966; Проблемы африканского языкознания. М., 1972; Языковая ситуация в странах Африки. М., 1975 и др.). Составители Лексикона фактически игнорируют труды своих коллег из ГДР, опубликовавших за последние годы ряд интересных работ.

Журковский Б. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Doke C. M. Bantu linguistic terminology*. London, 1935.
2. *Doke C. M. Bantu. Modern grammatical, phonetical and lexicographical studies since 1860*. London, 1945.

Кубрякова Е. С., Панкрац Ю. Г. *Морфонология в описании языков*.—М.: Наука, 1983. 119 с.

Рецензируемая работа, как отмечают авторы, представляет собой попытку изложить в краткой форме основы морфонологии как особой лингвистической дисциплины, дать ее новую функционально-динамическую концепцию, уточнить методику морфонологического анализа и предложить собственную модель описания близкородственных языков. Работа состоит из двух частей — общетеоретической и конкретной, описательной, в которой излагается сущность морфонологических явлений в современных германских языках, а именно, чередований гласных корневых морфем в системе имен существительных и глаголов. Хотя этот материал хорошо известен и достаточно подробно описан (с. 102), он не получил теоретического обобщения и не использовался до сих пор в типологической характеристике современных германских языков.

Зарождение морфонологии как лингвистической дисциплины связывается с именем Н. С. Трубецкого, сформулиро-

вавшего три главных задачи морфонологии, а именно: 1) определение фонологических особенностей морфем разных классов, 2) выявление различных преобразований на стыке морфем, не имеющих фонологического объяснения, 3) определение морфонологических функций звуковых чередований (с. 9). Е. С. Кубрякова и Ю. Г. Панкрац включают в морфонологию лишь те фонологические особенности слов и морфем, которые коррелируют с их морфологическими функциями (с. 9). Отвергая известное высказывание А. А. Реформатского о том, что морфонология «уже не относится к фонологии и еще не относится к грамматике» [1], они безоговорочно относят морфонологические явления к грамматическим (с. 13).

Центральной проблемой морфонологии — вопрос о варьировании (альтернировании) морфем одной морфемы. Фонологическая нетождественность морфем вскрывается в непосредственном наблюдении, но суть имеющей место альтерна-

ции становится понятной только после всестороннего рассмотрения этой альтернативы и условий ее существования (с. 12). Вопрос о том, какие альтернативы морфем считать морфонологическими в отличие от чисто фонологических и чисто морфонологических, остается спорным. Авторы рецензируемого исследования полагают, что основанием для такого разделения должна стать функциональная значимость альтернатив. Основная функция морфонологических альтернатив — помогать «сигнализировать о выполняемых ими грамматических ролях» (с. 16). Традиционно морфонологические явления исследовались исторически, при этом особый интерес вызывал переход фоветических и фонологических чередований в морфонологически значимые. Предлагаемая авторами концепция морфонологии призвана раскрыть сущность этих явлений в синхронии.

Сущность динамической концепции морфонологии раскрывается в третьей главе первой части монографии. Она строится на разграничении понятий морфонологической характеристики и морфонологических правил как понятий статистики и динамики. Варьирующиеся морфы одной морфемы образуют альтернативный ряд и демонстрируют разные ступени чередования. Статика заключается в фиксации альтернирующих морф, например, нем. *Apfel/Äpfel*, в определении их удельного веса в языке, связи с тем или иным типом склонения или спряжения (с. 26), динамика — в том, что одна форма рассматривается как производная от другой, как результат определенного процесса или преобразования (здесь: выражение значения множественности). Альтернативный ряд рассматривается как парадигма альтернирующей морфемы (с. 25). «Место словоформ в такой парадигме занимают конкретные морфы, место флексий — члены альтернативного ряда как фиксирующие переменные компоненты в строении морфемы, место семантических этикеток, позиций парадигмы указывается обозначением тех ролей, которые выполняются данным морфом в грамматической системе языка» (с. 25).

Во второй части монографии известные исторические чередования гласных (аблаут, умлаут и предомление) рассматриваются как средства выражения грамматических значений в парадигмах склонения имен существительных, для выражения множественного числа существительных и в глагольной парадигматике германских языков. Скрупулезно подсчитываются все выделенные альтернативы морфем и их ряды, при этом во внимание принимаются чередования, подсказанные характером синхронной морфонологической (т. е. грамматической) парадигмы, а не исторические чередования. Так, например, исл. *för* (ед. ч.) является исходной формой для формы мн. ч. *farir* (альтернатива $\bar{o} \rightarrow a$, хотя исторически *a* является «доумлаутной формой», а $\bar{o}$ возникает в результате умлаута). Статистические подсчеты альтернативных рядов составляют основу типологических сопоставлений исследуемых языков. Так,

для выражения категорий числа альтернативы используются в исландском языке в 464 существительных, в немецком — в 304, в других германских языках (шведский, датский, английский, нидерландский, африкаанс) — от 28 до 4. Это дает основание сделать вывод о том, что в одних языках (исландский, немецкий) имеется развитая система морфонологических противопоставлений по числу, в других же они представляют собой единичные, уникальные явления. В составе выделенных существительных вычлениются альтернативные ряды для каждого языка в отдельности. Так, в немецком языке их оказывается четыре [три способных к умлауту гласных (*a, o, u*) и дифтонг *au*]. В альтернативном ряду $a \rightarrow \bar{a}$ — 142 существительных, в ряду $o \rightarrow \bar{o}$ — 53, $u \rightarrow \bar{u}$ — 78 и т. д. (с. 39). Аналогичным образом исследуются способы выражения категорий рода и падежа. Моделирование морфонологических изменений с помощью символов делает сопоставление очень наглядным.

Морфонологические характеристики германских глаголов выявляются в составе большой парадигмы, в которую включаются формы инфинитива, причастия II и малые парадигмы презентных и претеритальных форм индикатива и конъюнктива, а также формы императива. Такая парадигма может быть морфонологически маркирована и не маркирована. Морфонологически не маркированные парадигмы не рассматриваются. Особенно сложным оказалось описание парадигм сильных глаголов исландского языка, где для 175 глаголов устанавливается 25 моделей больших парадигм (с. 69), в немецком языке 173 глагола группируются в 10 моделей парадигм, т. е. здесь наблюдается существенное упрощение морфонологических схем (с. 88).

Типологический анализ германских языков по морфонологическим признакам позволил разделить эти языки на три группы: 1) языки со сложноразвитыми морфонологическими системами (исландский и немецкий), языки со слабо развитыми морфонологическими системами (датский и английский) и языки промежуточного типа (нидерландский) (с. 106).

Теоретическая и практическая части монографии хорошо согласованы. Субстанциональный и функциональный анализы помогли установить конечное число альтернирующих парадигм и их специфику в каждом германском языке. Динамический подход позволил увидеть в них не столько результат действия разрушительных сил (традиционное толкование), сколько упорядочивающее начало, продолжающее линию более четкого противопоставления грамматических схем, устанавливаемых системой конкретного языка. Такое понимание функций германских альтернатив в целом не вызывает возражений, если при этом все же иметь в виду исторически обусловленную ограниченность их использования. К сожалению, авторы иногда излишне жестко противопоставляют синхронный и исторический подходы, что приводит их, в угоду принятой схеме, к необходимости толковать направление альтернан-

ных чередований условно (ср. исл. *för* и *farir*, с. 36). Ввиду того, что в исследуемых языках учитываются лишь морфологически маркированные формы, их значимость в системах языка значительно преувеличивается. Несмотря на то, что в результате анализа огромного материала было обнаружено большое количество альтернирующих морфем, авторам исследования все же не удалось опровергнуть тезис А. А. Реформатского о «штучности» [2] морфологических альтернатив (с. 30).

Два ценных свойства монографии — ее теоретическая весомость и практическая завершенность — делают ее интересной и полезной как для теории языковедения, так и для практики преподавания германских языков.

Предлагаемая Е. С. Кубряковой и Ю. Г. Панкратем концепция морфонологии и методика описания морфонологических явлений, успешно использованная для описания современных германских языков, несомненно, заинтересует исследователей и других языков.

Макушева Ю. М.

ЛИТЕРАТУРА

1. Реформатский А. А. О соотношении фонетики и грамматики (морфологии). — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955, с. 100.
2. Реформатский А. А. Фонологические этюды. М., 1975, с. 118.